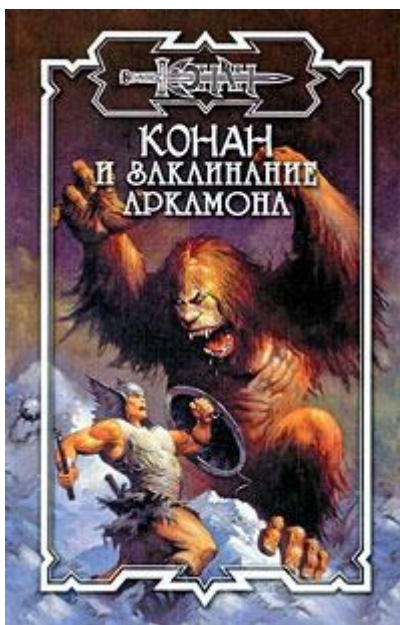

Дуглас Брайан Змея и мумия

Сага о Конане – 140

Случилось так, что Конан гостил некоторое время у своего друга, знатного вельможи из Султанапура, по имени Али-Бекр. Некогда им довелось пережить вместе опасности и приключения, и теперь Конан, по просьбе приятеля направляется в злоещую Стигию, преследуя колдуна-охотника за знатными рабынями...

Великая жрица Хат хранила спокойствие.

Торжественно ревели длинные, спиралью закрученные трубы. Их медные, бока жарко вспыхивали на солнце. Процессия струилась по дороге туда, где перекрещивались тени двух каменных львов. Туда, где на волнах боли жрица Хат доплывет в запердельное жилище Сета.

Целую луну назад она догадалась о своей участи и готовилась к ней. Жрицы и прислужницы Верхнего храма не принадлежат себе. Они окружены почетом и довольством, у них много привилегий и всюду встречают их, угадывая каждое желание. Люди низших сословий не смеют даже наступать на их следы, оставленные в пыли. Но случается так, что приходится им умирать, дабы лично умиловать разгневанное божество.

Хат и четыре ближайших ее помощницы начнут умирать уже сегодня. Смерть будет долгой.

Редкие пальмы взмахивают над дорогой жесткими листьями. Их резная тень ложится на лицо Хат и тотчас убегает прочь. Помощницы сдерживают слезы, а иногда начинают растерянно улыбаться. Им трудно идти, и временами стражники почтительно поддерживают их под локти. Бедняжки, кажется, не верят в то, что произойдет с ними совсем скоро.

Святылище Верхнего храма было разграблено. Дерзких воров не нашли. Три дня жрицы проводили обряд, не останавливая действие ни на мгновение. Но крокодилы отворачивались от жертвенного мяса. Змеиная голова изваяния Сета почернела от гнева. Если жрицы не умрут, на страну обрушится голод и мор. Смерть опустошит цветущую долину великой реки Стикс. Такое уже случалось раз или два за последние три столетия. Каждая жрица знает, что

это может произойти и с ней. Что ж, Хат — не преступница. Лютая мука, ожидающая ее, — не позорное показание, а обязанность. И Хат исполнит ее с честью.

Издали каменные львы кажутся огромными, а вблизи они подавляют. Внутри этих чудовищных сооружений — алтари Среднего храма, сокровищницы и хранилища древних знаний. Жрецы здесь — мужчины. Их положение ниже, чем у жриц. Ритуал очищения болью не коснется служителей Среднего храма. Если кто-то из жрецов провинится перед божеством, его просто забьют палками, привязав к доске. Даже пустынный шакал не достоин такой жалкой гибели.

Сердце в груди жрицы глухо стукнуло, когда она увидела вблизи место совершения последнего ритуала в ее жизни. А одна из ее помощниц вдруг рванулась в сторону, вскрикнув. Ее удержали. Она тряслась мелкой дрожью и хваталась за горло, словно надеялась задушить себя и избавиться от мук. Прочие держались лучше.

Жрица Хат властным жестом подозвала к себе Натхута — служителя Нижнего храма, презренного раба с лицом, изуродованным клеймом. Жрецы этой касты отправляли почти все ритуалы, связанные со смертью. Именно им предстояло сегодня совершать кровавый обряд.

Натхут, как и положено, подошел к ней на три шага, опустился на колени и безмолвно замер.

— Эту уведите назад, — велела Хат, указывая на рыдающую жрицу. — Она не готова сегодня. Ей же хуже. Будет умирать вместе с рабынями.

— Повинуюсь, величайшая, — торопливо отвечал Натхут.

— Пора, — обратилась Хат к остальным прислужницам, и первая подошла к палачам.

Пока ей помогали раздеться, она смотрела на медное изваяние, словно ища поддержки. Медь статуи была холодной и влажной. Почерневшая змеиная голова уставилась в пустоту — казалось, глаза ее прикрыты кожистой пленкой. Но внезапно пленка исчезла, и ледяной, царапающий сердце взгляд этих глаз заставил жрицу содрогнуться. От ее величавого спокойствия не осталось и следа. Но руки Хат уже крепко связали за спиной. Палач смазывал блестящим черным жиром поверхность толстого отполированного шеста с заостренным концом. Силы оставили Хат, и она преклонила колени, словно ей подрубили ноги. Потом легла лицом вниз. Трубы загудели с новой силой. Их голоса заглушили вскрик, который испустила жрица, когда острое проникло в ее тело.

Шест установили вертикально. Хат хрипло дышала — боль пожирала ее изнутри. Дерево медленно пронзало плоть, вгрызаясь сзади, расширяясь, раздирая внутренности. Змееголовое божество жадно следило за агонией обнаженного тела.

Хат видела, как извиваются и трясутся от боли ее помощницы, так же, как и она, посаженные на колья. И каждая из них избегала смотреть на изваяние, словно это было еще худшей мукой, имя которой — страх. Страх сильнее боли. Хат вдруг отчетливо поняла — когда тело, ослабленное страданием, перестанет удерживать в себе душу, медная статуя оживет. Душа будет проглочена, утонет в зловонной утробе, погрузится в бесконечный и бескрайний океан боли, от которой не будет избавления.

Трубы все пели и пели. Храмовая стража встала в карауле. Солдатам придется смениться пять или шесть раз, прежде чем жрицы испустят дух. Но за ними настанет черед других. Так хочет Сет змееголовый. Со стоном Хат опустила голову на грудь.

* * *

Рабов, предназначенных для постройки храма, перевозили по реке. С ними обращались бережно, как с дорогим товаром. Прятали от солнца под пальмовыми навесами, давали вдоволь еды. Они должны прибыть в хорошем состоянии. Басру это мало утешало. На ярмарке рабов ему сказали товарищи по несчастью: «Глупец! Чего радуешься? Думаешь, тебе придется подливать масла в светильники и чистить храмовую утварь? Как бы ни так! Будешь долбить камень, дышать ядовитой пылью и подыхать от жажды. На строительстве в

Стигии раб живет не больше месяца, и живет паршиво. Лучше бы тебе умереть по дороге».

Над этим Басра и размышлял. Папирусная лодка бежала по реке. Зеленоватая вода на вид была прохладной и ласковой. Но в ней таилась смерть. Рабов на лодке не охраняли по одной простой причине: мало кто отважился бы спрыгнуть за борт. А если бы такой и нашелся — не доплыл бы до берега. Его сожрут крокодилы.

Прежний хозяин Басры умер. Он был хорошим человеком, редко наказывал рабов, а под старость впал в детство. Его нужно было смешить и развлекать, да время от времени водить в баню — вот и все обязанности. Рабы распоряжались в его доме, словно свободные люди. Это очень не понравилось наследникам, и они решили избавиться от избаловавшихся дармоедов. После сытости и благоденствия очутиться в Стигии, да еще и на самых тяжелых работах — это был удар.

— Посмотри на меня! — кричал Басра перекупщику. — Какой я строитель? Я — нянька! Я — образованный! Я умею подавать лекарства! Я не держал в руках ничего тяжелее метелки для пыли.

Но перекупщик смотрел на Басру пустыми серыми глазами и ухмылялся.

— Я решусь! — сказал себе Басра, когда огромная рептилия показала из воды черную спину в четырех локтях от борта лодки. Он зажмурился и уже хотел кинуться в воду, как чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо.

— Плохой выбор — удел неудачника! — произнес густой низкий голос с сильным северным акцентом.

Басра обернулся. Огромный белокожий мужчина насмешливо смотрел на него сверху вниз. Ветер трепал гриву его черных спутанных волос.

— Отвяжись! — сказал Басра. — Не мешай! Можно подумать, ты с удачей на короткой ноге. Что, в таком случае, ты делаешь здесь, счастливчик? Ты ведь такой же раб, как и я, не так ли?

— Не так, — коротко ответил великан.

— А почему у тебя на шее ошейник?

— Отойди от борта, — сказал незнакомец. — Ты мне нужен живым.

— Я?

— Именно ты. Без темнокожего помощника у меня ничего не выйдет.

Басра задохнулся от возмущения.

— Эй! Эй! — воскликнул он. — Я куплен подрядчиком из Стигии, а к тебе в помощники не нанимался!

— Ладно, прыгай, — пожал плечами длинноволосый великан. — Мне нужен умный чернокожий, а ты, я вижу, — дурачок.

С этим он отошел под навес, занял свободное место и разлегся, подложив под голову огромные кулаки.

Басра постоял, помялся, но прыгать ему расхотелось. Улучив момент, он подобрался к своему странному собеседнику и легонько толкнул его под бок. — Ну? — белый человек открыл один глаз.

— Не так я и глуп, — сказал Басра. — Ты что-то замыслил, верно, братец? Знаешь, что я тебе скажу?

Ты прав. Плохая была идея, да? У тебя есть лучше?

— Есть, — спокойно ответил незнакомец.

Прочие рабы под навесом спали, одуревшие от бесконечного движения по реке. Дремал и надсмотрщик, нахлебавшись рисового пива. По его обрюзгшему лицу ползала большая муха.

— Когда лодка доберется до гавани, я убегу, — сказал незнакомец. — Присоединяйся.

— А почему ты не убежал раньше? — осторожно осведомился Басра.

— У меня есть дельце в Долине Смерти. С этой лодкой мне по пути. Если бы я избрал другой путь, потерял бы много времени.

Басра округлил глаза.

— Ты хочешь сказать... — начал он, но незнакомец перебил его:
— Объясню потом. Слушай главное. Поможешь мне — получишь свободу. Возможно, даже обогатишься.
— Свободу? — переспросил Басра. — Насовсем?
— Открою тебе одну тайну, — с ленцой в голосе произнес белокожий. — Свобода бывает только насовсем. Или никак.
Пораженный этой мыслью, Басра глубоко призадумался.

* * *

Случилось так, что Конан гостил некоторое время у своего друга, знатного вельможи из Султанапура, по имени Али-Бекр. Некогда им довелось пережить вместе опасности и приключения, о которых мы когда-нибудь еще расскажем.

Конан явился к нему в дом, зная, что к его услугам будет все, что только может позволить гостеприимство вельможи. Киммериец нуждался в отдыхе и лечении — сражаясь с наёмными убийцами, он получил несколько ран, от которых любой другой не мешкая, отправился бы к праотцам. Но могучее здоровье северянина оказалось сильнее отравленных стрел. Тем не менее, ему следовало набраться сил для новых подвигов, чтобы приблизиться к своей заветной мечте — королевскому трону. Богатый дом друга, обставленный с изысканнейшей роскошью и комфортом, — что было бы более кстати!

И варвар не обманулся в своих ожиданиях.

Али-Бекр остепенился, погрузнел, но в его сердце по-прежнему жила дружба, и он приветил Конана, словно родного брата.

Четыре дня Конан отсыпался, прохлаждался в тенистом саду, услаждал себя яствами, питьем и ласками хозяйских наложниц. А на пятый заметил, что его друг уже не тот веселый любитель жизни, каким был прежде. Печаль и тоска заставили помутнеть его зор, в бороде показались серебристые нити. Неслышно было его тонких шуток, острых, как хорошая приправа. Теперь он все чаще вздыхал.

— Что с тобой? — спросил варвар напрямик. — Тебя одолевают враги? Пойдем и убьем их. Какая-нибудь красotka пленила твое воображение?

Выкрадем ее — уверен, она не будет против, едва лишь взглянет на тебя.

Вельможа смешался.

— Если я расскажу тебе о своем горе, — молвил он, — ты подумаешь, что я прошу тебя о помощи. А это противоречит законам гостеприимства.

— Я знаю, что такое гостеприимство, — оскорбился Конан. — Но если ты и дальше будешь запираяться, то я обижусь. А гостей не обижают.

— Ты — друг, — кивнул Али-Бекр. — А от друзей не делают секретов. Знай же, о беспокойнейший из варваров, что моя жизнь пропитана горечью, и под сластить ее не могут даже стихи, не говоря уже о женщинах и вине.

В том, что касалось поэзии, Конан разбирался плохо, однако два последних названных Али-Бекром лекарства всегда ему помогали.

— В чем же дело? — спросил он в недоумении.

— Семнадцать зим назад умерла одна из моих жен, — начал вельможа. — Это грустно, но цветам суждено увянуть. Все умрут, умрем и мы с тобой...

— Ясное дело, — вставил Конан нетерпеливо.

— Она подарила мне дочь. Ребенок рос в моем доме и превратился в прекрасную пэри. Я нарек ее Балзу, что в переводе на твой язык означает «Танец луны».

— Что же с ней стряслось?

Али-Бекр горестно покачал головой.

— При дворе моего государя объявился прошлой

зимой один человек. Его звали Патхэб. Он выдавал себя за двоюродного брата принца Стигии, хвастал своим богатством, задаривал всех золотом и драгоценными камнями. Это

снискало ему успех при дворе...

— Стигиец! — зарычал варвар, приподняв верхнюю губу, как дикий зверь. — Лучше иметь дело с плюющей коброй, чем со стигийцем!

— Не могу не согласиться с тобой, мой добрый друг, — подтвердил Али-Бекр. — Многие женщины из знатных домов воспылали к нему страстью.

Страсть эта не была похожа на обычное вожделение. Скорее, он околдовывал их... В его присутствии они превращались в кукол, послушных его воле. А потом эти женщины стали пропадать. Они исчезали без следа. Конечно, негодя заподозрили, но Патхэб шутя отвел все обвинения и даже позволил обыскать свой дом. Разумеется, никого из пропавших женщин там не нашли...

Последней исчезла Балзу. Как я, самый жалкий из отцов, не заметил, что бедняжка попала под влияние коварного оболстителя! А потом сгинул и Патхэб, внезапно, никому ничего не сказав. Угасшие подозрения против неговспыхнули с новой силой. И что же выяснилось? У мерзавца была тайная загородная резиденция, в которой он и держал своих пленниц. Их увезли как невольниц. Последний раз стигийца встречали в Зембуле. Никакой он не родственник принца. Он — охотник за рабами! Вернее — за рабынями из знатных родов. Он снабжает прислужницами все основные храмы и капища от Птейона до Сухмета...

Горе мне, ничтожнейшему из родителей! Бедная Балзу! Ее воля давно сломлена и подчинена змеемордому демону. Возможно, она уже не помнит собственного имени. Я узнал, что ее увезли вниз по реке Стикс. Неподалеку от Кеми есть Долина Смерти, а в ней — три храма, в одном из которых служат только женщины. Чужеземцев туда не пускают...

— Этот запрет, как я понял, не распространяется на рабов, — ухмыльнулся Конан.

— Я пытался отправиться в Стигию, но... — Голос вельможи дрогнул. — Служба при дворе... Я не могу ее оставить. Враги малолетнего принца воспользуются моим отсутствием и отнимут у него трон. Пострадает целая страна...

— Зато я не занят государственными делами, — Конан широко улыбнулся. — Прищемить Сету голый змеиный хвост — что может быть соблазнительней, клянусь Кромом! — воскликнул он. — И не думай меня отговаривать! А лучше отправь со мной своего слугу до границы со Стигией. Он выручит за меня хорошие деньги!

И Конан расхохотался.

* * *

Басра слушал рассказ киммерийца с широко раскрытыми глазами и распахнутым ртом.

— Ты — безумец, — заключил он. — О боги! Не хотят пощадить бедного негра! Что с ним будет?

— А что может с тобой случиться худшего, чем уже случилось? — спокойно осведомился Конан, пожевывая соломинку. — Ты раб и движешься навстречу верной гибели...

— Гибель бывает разная, — поежился Басра. — Можно тихо околеть, надорвав пуп, а можно издохнуть под палками. Лично я выбрал бы первое.

— Жизнь тащит тебя по течению, как эту лодку, — брюзгливо заметил варвар. — Хотя у лодки есть весла, руль и парус. А ты — просто кусок навоза на воде. Тебе не противно?

— А что я могу сделать? Разве я могу сражаться? Меня не спрашивали, кем я хочу быть, когда рождали на свет.

— Видишь, на корме спит надсмотрщик? — перебил его Конан.

— Ну и хорошо, что спит.

— Пойди и укради нож с его пояса.

Басра посерел.

— Он же проснется! — зашипел он, трясая головой. — И спустит с меня шкуру!

От тебя зависит, проснется он или нет, — киммериец говорил негромко, но очень убедительно. — Брось. Ты же наверняка таскал фрукты и сладости у своего бывшего

хозяина. Ну, признавайся, лукавый раб!

— Та... таскал. — Басра клацал зубами и заикался.

— Давай, действуй! — Конан слегка подпихнул негра в плечо. — Это не сложнее, чем обокрасть кухарку.

— Конечно. Какая разница... Все равно — смерть, — горестно прошептал Басра. Он понимал, что белый здоровяк не оставит его в покое, что лучше ему, Басре, подчиниться, а не то его жизнь осложнится еще пуще.

Вечерело. В зарослях папируса на берегу квакали лягушки. Вода плескала за бортом. Басра двигался на четвереньках, переступая через тела спящих рабов. Для того чтобы его зубы не стучали слишком громко, он размотал свою набедренную повязку и сунул ее край себе в рот.

Надсмотрщик лежал на спине и храпел, словно подпевая лягушкам. Вокруг него распространялся кислый запах пивного перегара — тростниковое пиво в Стигии варят довольно крепкое. Нож висел у него на волосатом круглом животе. Приблизившись к спящему вплотную, Басра замер и огляделся по сторонам.

Команда лодки собралась на носу. Только рулевой гребец стоял возле своего весла, на специальной площадке, прямо над головой Басры.

Гребец смотрел вперед и только изредка переступал ногами. То, что происходило в лодке, мало его интересовало.

Мысленно взывая ко всем известным ему богам, Басра протянул руку к ножу и чуть не вскрикнул от ужаса. Огромная капля пота скатилась по его носу и упала на физиономию надсмотрщика. Тот издал недоумевающий звук, чмокнул губами, но глаз не открыл.

Ощущая страшную слабость во всем трясущемся теле, Басра коснулся пальцем рукоятки ножа. Ощущение неожиданно понравилось ему. Рукоятка была теплая, приятно-гладкая и словно сама просилась в ладонь. В глубине души Басра очень любил хорошенькие вещицы. Ему доставляло удовольствие, когда никто не видит, оглаживать ладонями статуэтки из черного дерева или слоновой кости в доме своего хозяина. Тогда он на мгновение мог представить, что обладает этими предметами, и сладкая истома растекалась, но всему его существу. Нечто подобное проснулось в нем и сейчас. Приласкав пальцами рукоятку, Басра потянул нож из ножен. При этом его ладонь притронулась к голому животу надсмотрщика. Тот не просыпаясь, хихикнул и сказал: «Отстань, старуха!», перевернувшись при этом на бок.

Басра беззвучно закричал и юрко, как ящерица, скользнул обратно под навес. Сердцебиение так громко отдавалось в его ушах, что от одного этого звука могли поднять тревогу.

— Молодец, — скуп похвалил его варвар. — Я же говорил, что это несложно.

И только тут Басра увидел, что нож остался у него в руке.

— Невероятно! — воскликнул он. — Как это вышло? Рукоятка как будто сама прилипла к пальцам!

— О, да ты прирожденный вор! — Киммериец одобрительно хлопнул Басру по плечу. — А теперь давай спать. Завтра будет долгий день!

— Возьми же нож!

— Мне он не нужен. Ты украл его для себя. Это — твой первый шаг в сторону свободы, — молвил варвар, устраиваясь поудобнее. — Но если ты помещаешь мне выспаться — Кром великий! — крокодилы покажутся тебе любящими братьями.

Почти сразу за этими словами послышался густой храп. Басра изнывал от противоречивых чувств. Страх боролся в нем с какой-то странной радостью. Нож был очень красивый — с выгнутым мерцающим лезвием, с рукояткой из кости... Басра спрятал его между складок набедренной повязки и лег так, чтобы чувствовать его телом. Лодка тихо покачивалась на волнах Стикса.

Татхэб потирал руки, стоя у подножия каменного льва. Ужасная картина, представшая его взору, доставляла ему острое удовольствие — иначе он давно бы ушел отсюда. Три десятка обнаженных женских тел, пронзенных кольями. Все до единой — жрицы Верхнего храма и кое-то из их помощниц. Последние пять, казнь которых началась нынче утром, еще живы. Их стоны еще похожи на человеческие, в их глазах ещё светятся боль и ужас... Глупые коровы! Перед началом казни они храбрятся, напускают на себя важный вид... Да они и впрямь верят, что их муки смягчат божество. Какая самонадеянность!

А между тем из сокровищ Сета ничего не пропало. Ни единой, самой пустяковой безделушки. Украденное просто переместилось из Верхнего храма в Средний. Но эту тайну знают только Сет и Татхэб. А те, кто помог Татхэбу, давно мертвы.

Осталось покончить с рабынями и прислужницами. Когда последняя из них испустит дух на колу, жреческий совет передаст Верхний храм ему, Татхэбу. Конец власти жриц! Храмовых шлюх не упразднят, об этом уж он позаботится. Но уже, ни одна женщина не посмотрит на Татхэба с высокомерием. Магнетическая власть, которой Татхэб пользовался, не распространялась на жриц Верхнего храма. Эти надменные шлюхи слишком много времени проводили в трансе, читая заклинания и вдыхая наркотик. Даже странно, что они не разучились чувствовать боль.

Жаль, что одна из жриц не дожила до этого дня — умерла естественным путем много зим назад... Как жаль! Татхэб скрипнул зубами. Не вовремя приходят такие мысли, заставляя меркнуть его торжество.

Она была его матерью. Отца своего он не знал — считалось, что сам Сет подарил смертной свое кипящее семя. Но на самом деле она зачала его от какого-нибудь паломника, прибывшего с дарами в Долину Смерти.

Первые восемнадцать зим жизни, проклятых зим, — они не забылись, они живут в нем и требуют мести. Черда кошмаров тоски, бессильного и беззвучного воя... Бывают же такие счастливицы, кто просто не нужен своим матерям. Живут эти счастливицы, предоставленные сами себе, и не знаю того, что испытал Татхэб. Он-то был нужен, правда, только в одном качестве — мальчика для битья. Жрица рассчитывала родить девочку, воспитать из нее подругу, равную себе. А родился презренный щенок кобеленок.

— Твоя плоть скверна! Твое сердце — порочно! Ты — прах, просеянный на ветру. Ты — ил, вынесенный на берег Стикса! — говорила мать, и страшные сердоликовые глаза ее выжигали в душе Татхэба памятные письмена.

— Я — прах, просеянный на ветру... Я — ил... — повторял он послушно. Ему казалось, что так будет вечно.

Однако в чудесный прохладный день, когда черные цапли выводят птенцов в прибрежных зарослях и крокодилы бьют хвостами по воде, оглушая рыбу, матери не станет. Она подзовет Татхэба к своему ложу и вцепится ему в руку своими длинными острыми ногтями, выкрашенными черным лаком. Из-под ногтей потечет кровь, сердоликовые глаза вспыхнут яростно и вдруг угаснут, и Татхэб увидит, что перед ним — не величественная жрица, перед которой нужно падать в пыль, а обыкновенная больная старуха. От старухи этой скверно пахнет, и слюна течет по ее морщинистому подбородку из безвольно раскрытого рта. А в глазах уже не грозная мощь — клочковатые тени и ужас перед очевидным будущим.

Она разжала пальцы, потом, спохватившись из последних сил попыталась вновь впиться ногтями в его руку, но Татхэб выдернул ее и ударил мать по щеке.

— Вот такая ты на самом деле, — сказал он. — Теперь я это знаю.

Старуха застонала, пена хлынула у нее изо рта. Татхэб плюнул и отошел.

В низшей жреческой школе обучали только читать нараспев, но был один человек, родом из Сух-мета, который взялся углубить познания Татхэба. У него была прекрасная профессия — он заклинал змей и знал о них все. Плату за обучение он принимал лягушками и крысами.

— Моим кормильцам тоже нужно есть, — говорил он и посмеивался, а Татхэб жмурился от ужаса, слыша эти кощунственные слова. Змея — одно из воплощений Сета — священная тварь. Однако заклинатель обращался с ползучими гадами без всякого почтения, по крайней мере, вдали от посторонних глаз.

— Они, может быть, и служат Сету, — приговаривал он, — ноя — тоже ему служат. Поскольку они подчиняются мне, значит, в глазах бога я выше, чем они.

Был он желтый, как спелый лимон, очень толстый и безволосый. При ходьбе его тело колыхалось, как студень.

— Смотри, — поучал он, — вот три змеи. Огромная, вся в разводах, вторая — черная, в руку толщи ной, с двумя точками на голове, и третья, песочного цвета, узкая и плоская, как кожаный ремешок. Какая из них самая опасная?

Татхэб напряженно думал, наблюдая за змеями. Большая лежала, вытянувшись, спокойная, едва шевелящая раздвоенным языком. Вторая яростно шипела, приподняв голову и раздув капюшон. А третья свернулась на тростниковом полу и сделалась, похожа на кучку помета.

— Черная! — выпалил Татхэб.

— Почему?

— Она угрожает.

— Глупец! — Заклинатель усмехнулся. — Угрожает тот, кто не уверен в себе. Черная кобра опасна, у

нее сильный яд, но она бережет его для охоты. К тому же она видит меня целиком. Она видит мои глаза. Я могу делать с ней все, что захочу. А вот эта крошечная змейка неуправляема. Она может увидеть только палец моей ноги, и то не весь. Но если она ужалит этот палец — мне конец.

— Зачем же ты держишь у себя эту змею? — удивился Татхэб.

— Без нее я бы утратил страх, — молвил заклинатель. — А это обходится дорого. Особенно при моем роде занятий.

Татхэбу совсем не хотелось испытывать страх. Он был сыт этим чувством. Напротив, глядя, как старый заклинатель поработает волю священных тварей, он мечтал о такой же власти, только над людьми.

Учиться пришлось долго. Кроме практических приемов, Татхэб прилежно изучал старинные магические формулы, умело пользовался талисманами и составлял зелья, вдыхая или принимая которые человек попадал под влияние «змеиного взгляда». В Среднем храме возлагали большие надежды на молодого послушника. Но перед жрицами Верхнего храма он по-прежнему оставался пеплом и илом, вырождаком, недостойным взгляда.

По приказу Хат Татхэб часто отправлялся за рабынями на рынки сопредельных стран. Рабыни требовались особые — благородной крови. Опытные перекупщики часто жульничали, снабжая самых обыкновенных крестьянок невероятными родословными. Убедившись в подлости торгашей на собственном опыте, Татхэб прибегнул к другому способу добычи живого товара. Уезжая в дальние страны, он выдавал себя за аристократа-путешественника и делался вхож в дома знати. А там уже ждали его податливые дуры, из которых веревки можно было вить. Только однажды досталась ему достойная противница. Татхэб сначала и не подозревал в кроткой деве такой сильной воли.

По пути в Стигию Балзу вышла из-под его влияния. Она отказывалась подчиняться. Пришлось везти ее в колодках и кормить насильно. Верхний храм отказался от строптивой рабыни. Татхэб забрал ее себе.

Под правой передней лапой каменного льва, того, что будет по левую руку, если стоять и смотреть в глаза медному изваянию, находился каземат. Идеальное место для того, чтобы свести человека с ума. Солнечный свет никогда не проникает туда, однако в полной темноте узник может спать, грезить, думать о солнце... Поэтому круглые сутки каземат освещается масляными лампами, снабженными колпачками из разноцветной слюды. То розовые, то зеленоватые, то ярко-желтые, то кроваво-красные отсветы пляшут под сводчатым потолком.

Это действует на нервы так сильно, что пленник начинает вскорости шарахаться от каждой тени. Некоторые выдавливают себе глаза, думая избавиться этим от дурманящего наваждения. Напрасно! Даже ослепленный, человек продолжает видеть вокруг назойливые разноцветные пятна и впадает в окончательное безумие.

Вторым жестоким изобретением, придуманным для подавления человеческой воли, были особые трубы, скрытые в толстых каменных стенах. Они наполняются ветром, гуляющим снаружи, и поют каждая на свой лад. Звук негромкий, сперва — еле различимый, но уже через несколько часов заключенный начинает затыкать пальцами уши. Тщетные старания — пение труб колеблет воздух в камере, и пленник становится сплошной барабанной перепонкой. Он слышит этот звук ногами, спиной, животом. Звук рождается прямо у него в голове, мешает думать, мешает спать...

Вторую луну Балзу является узницей каземата. Вторую луну она борется за свой рассудок и до сих пор не побеждена!

— Девчонка из Турана интересуется меня, как ученого, — заявил Татхэб на жреческом собрании. — Возможно, она — колдунья, а еще возможно — ученица одной из закрытых кастовых школ. Все мы слышали о туранцах, умеющих глотать горячие угли или задерживать дыхание на два полных дня. Были даже такие, кому удавалось переноситься силой мысли на значительное расстояние без помощи внешних магических средств. И конечно, каждому о грамотному человеку известно о чтении мысли, практикуемом тамошними жрецами. У нас тоже имеется нечто похожее. Изучив технику моей подопечной, мы сможем найти в ней уязвимые места, и тогда, во славу Сета, наше могущество возрастет...

Подобные выступления всегда находили горячий отклик среди служителей Среднего храма. Надменные жрицы Верхнего только поджимали губы, опасаясь открытой конфронтации. А жрецы Нижнего храма боязливо шарили глазами, не зная, к кому примкнуть.

Татхэб все это видел и благодарил заклинателя змей. Именно он научил его управлять мимикой лица, чтобы не обнаружить своих чувств перед леопардовой гадюкой, которая жалит только сомневающихся. Если бы ни уроки заклинателя, ожил бы клубок гадюк из Верхнего храма, и Татхэб не дожил бы до рассвета.

А через три дня после приснопамятного выступления он осуществил свой замысел, который лелеял давно. Расчет был верным. Обычно Сет сам стережет свои сокровища и помогает отыскать воров. Но в данном случае у божества не могло быть никаких претензий к своим служителям. Татхэб самолично зачернил лик изваяния.

— Ничего, о величайший! Скоро тебя усладят изысканным зрелищем, к тому же грандиозным в исполнении! — нашептывал послушник. — О, мудрый и смертоносный! Оцени мою шутку, ибо, знаю я, ты любишь такие шутки!

Заключив Балзу в каземат, Татхэб спас ее тем самым от жуткой участи и находил в этом немало забавного, так как последующая судьба юной туранки вряд ли была бы лучше смерти на колу.

Она сильно похудела, и бледность покрывала ее кожу, некогда золотисто-смуглую. Пока Балзу оставалась наедине с собой, черные ее глаза роняли слезы почти беспрерывно. Но едва мучитель появлялся на пороге камеры, как в заплаканных глазах проступала твердость.

Мало того, рабыня позволяла себе пренебрежительный тон в своих дерзких речах.

— Глупый, — говорила она, — я могла быть твоей и только твоей. Для этого не нужно было ни цепей, ни замков. А теперь ты мучаешь одну лишь мою оболочку. Ждешь меня там, где меня нет.

— А что будет, если я возьму тебя силой? — злился Татхэб.

— Ты овладеешь одной только плотью. Много радости тебе это не доставит, — спокойно отвечала Балзу.

Он и сам это знал. Но ему не нужна была женщина, по крайней мере, его собственная

плоть не тянулась к женской плоти, как это бывает с мужчинами примитивными, неотесанными и несведущими в Великом Искусстве. Татхэб нуждался в торжестве иного рода.

Он стоял и без особого интереса наблюдал за судорогами одной из жриц, той самой, что когда-то велела наказать его палками из-за какого-то пустяка. Теперь она стонет, то сипло, то визгливо, ощущая острие кола в собственном животе.

— Скажи, о почтенная, — обратился к ней Татхэб, — теперь ты ближе к Сету, чем когда-либо?

— Воистину, это так, — хрипло отвечала жрица. Ее лицо искажало страдание, но она сумела улыбнуться презрительно краями в кровь искусанных губ и гордо глянула на вопросившего сверху вниз.

— Заклинаю тебя из праха, — страстно заговорил Татхэб, — спроси у повелителя повелителем, как мне, недостойному, покорить и растоптать гордое сердце негодной туранской рабыни?

Некоторое время жрица молчала, закатив глаза. Татхэб уже было решил, что она потеряла сознание, но неожиданно тело, пронзенное деревом, содрогнулось. Веки жрицы раскрылись, и он поразился новому цвету ее глаз. Только что они были серые, с поволокой боли, а стали ярко-желтыми, с вертикальными зрачками. Голос жрицы потряс его еще больше. То был голос низкий, уробный, голос рассерженного великана.

— Сделаешь, как я говорю. Возьми змею с изумрудным глазом, пусть она три дня пьет молоко с кровью, а на четвертый день пусть трижды ужалит в грудь непокорную рабыню. Это убьет любовь в ее сердце, и она станет послушной...

Татхэб повалился лицом в пыль.

— О, владыка владык! Что мне сделать во имя твое?

Громовой голос рассмеялся в ответ. Жуткий хохот сотрясал тело жрицы, а потом вдруг умолк. Жрица обмякла, кровь хлынула из ее рта. Татхэб решил, что это хороший знак.

* * *

— Что ты знаешь о Стигии? — спросил Конан.

— Ничего, — ответил Басра.

— Где ты жил раньше?

— В Ианте.

— Так ты из Офира? Ни за что бы не подумал, — ухмыльнулся варвар.

— Почему?

— Хотя бы потому, что ты — черный,

— Там много черных рабов, — Басра неожиданно для себя оскорбился.

— Ладно. А откуда твои родители? Из Зембабве? А может, из Кешана?

— Насколько я знаю, они тоже жили в Ианте.

— А их родители?

— Мне это неведомо.

Киммериец сердито сверкнул глазами.

— Кром крепкорукий! Как же ты можешь жить, не зная о своих предках? Даже бесчувственный и глупый сорняк умирает, оторванный от корней!

— А к чему мне знать лишнее? — удивился Басра, на всякий случай отодвигаясь подальше от своего нового знакомого.

Конан даже зарычал от негодования.

— Тебе не приходило в голову, что ты можешь оказаться потомком царей, и твои славные пращуры плачут от стыда в загробном мире, глядя на то, как их жалкий потомок...

— Не приходило, — перебил его Басра, дивясь собственной храбрости. — И, если честно, плевать я хотел на давно истлевших мертвецов. Почему я должен стыдиться? Разве у меня нет других печалей? Моя шкура и мое брюхо принадлежат тому, кто меня купил. Но

ведь больно не ему, а мне, когда по этой шкуре гуляет плетка. И урчание брюха ему не слышно... Вот что должно заботить человека, разве нет? Да и ты, бесноватый верзила, стал бы возиться со мною, если бы тебе не нужна была моя помощь? Причем здесь мои предки?

— Пока ты рассуждаешь, как раб, тебе не стать свободным, — произнес варвар сурово.

Все это басни, — в тон ему возразил Басра. — Нет никаких свободных людей. Надсмотрщик, которого я обворовал, — разве он свободен? У него есть невольники, и если рабы разбегутся, начальники измочалят его палками. А команда этой лодки? Лодка — их господин. А мой прежний владелец? Он был рабом лекарей и собственных слуг... Даже ты не свободен, северянин. Ты — раб своего слова, которое дал другу неизвестно для чего. Его дочь, скорее всего, уже мертва. Кстати, как мы ее найдем? Ты знаешь хотя бы, как она выглядит?

— Почему это тебя интересует? — Конан неожиданно хитро улыбнулся. — Ты ведь только что уверял меня, что тебя ничего не заботит, кроме собственной персоны? А? Отвечай.

Басра смутился и задвигал руками, словно пытался нащупать нужное слово в пространстве вокруг себя.

— Мне ее жалко... немного, — наконец признался он. — Жила в богатом доме, была дочерью вельможи и вдруг...

— Тебе ее жалко, — киммериец кивнул. — Что ж, вот ты и сделал второй шаг к свободе. Не так уж и плохо для потомственного раба!

И Конан на некоторое время потерял вкус к беседе. Он, молча, созерцал берега Стикса. Половодье давно сошло, и в долине, удобренной жирным илом, трудились крестьяне. Ветер шевелил рисовые метелки у самой кромки воды. Над ними плясали крупные стрекозы — иногда солнце вспыхивало сапфиром на их крыльях.

Крокодилов здесь было меньше, но время от времени поверхность воды вдруг шла волнистой рябью, и вытянутая зубастая пасть хищника показывалась то здесь, то там. А еще тут водились кумуди — огромные водяные змеи, способные проглотить целого быка.

Одна из этих тварей вытянулась поперек ленивого течения. Впередсмотрящий принял ее за бревно, поросшее мохнатой водорослью. Он издал предостерегающий крик, и один из членов команды свесился с носа лодки, чтобы оттолкнуть багром неожиданное препятствие. Но едва багор коснулся «бревна», вода вскипела. Несчастный закричал от страха, и в следующее мгновение перед ним оказалась огромная змеиная голова.

Кумуди не стала пожирать этого человека — вероятно, была сыта. Она просто ухватила его зубами за плечо, выдернула из лодки, тряхнула в воздухе и отбросила далеко назад. Должно быть, змея сломала ему хребет — тот камнем пошел ко дну, не издав больше ни звука.

— Почему они не сражаются с ней? — взвизгнул Басра, глядя, как остальная команда пала на колени перед кумуди.

— Потому что змея для них — воплощение божества. Они позволяют ей убить их, всех до единого, но не притронутся к оружию, — ответил варвар.

Тем временем кумуди, рассерженная тычком багра, хлестнула в борт лодки своим тяжелым хвостом. Басра едва не улетел в воду — Конан вовремя ухватил его за короткие курчавые волосы на затылке. Остальные рабы ударились в панику. Сначала они бестолково бегали и кричали на нескольких языках сразу, а потом принялись сыпаться за борт, как спелые плоды с дерева. Надсмотрщик не препятствовал им — он спрыгнул в воду первым. С проворством, почти невообразимым для его жирной туши, он поплыл к берегу, когда челюсти крокодила сомкнулись над его ногами, подобно капкану.

Хвост змеи продолжал молотить по бортам лодки. В считанные мгновения кумуди прикончила еще двоих — она сдавливала их кольцами своего тела, пока кости несчастных не превратились в мочало.

— Она уничтожит лодку! — орал Басра, посерев от ужаса. — Что нам делать, о боги!

Вместо ответа Конан подбежал к носу лодки и подхватил упавший багор. Когда

кумуди, вставшая над водой в половину своей чудовищной длины, ринулась вниз, варвар размахнулся посильнее и ударил ее по носу. Змея опешила.

Она никак не ожидала отпора. Ведь люди, плывущие на лодках, были ее законной добычей. И вдруг добыча взбунтовалась!

Она зашипела от ярости, отравляя воздух своим зловонным дыханием. Но нахальное маленькое существо на носу лодки ответило громким воинственным криком. Снова кумуди атаковала, и снова сильный удар по голове заставил ее отступить. На этот раз железный крюк багра повредил ей глаз. Боль вынудила змею прибегнуть к другой тактике. Она нырнула.

Варвар ликующе хохотал, глядя, как исчезает в глубине длинное, сверкающее чешуей тело. Казалось, змее не будет конца.

— Глупый водяной червяк! — кричал Конан. — Трусливая болотная жаба! Покажись, я укорочу тебе хвост!

— Сет покарает нас! Мы погибли! — возопили стигийцы. — Что ты натворил, невольник? Кто просил тебя нарушать волю Сета?

— Давайте схватим его и отдадим кумуди, — предложил старший из них. — Возможно, тогда Сет сжалится над нами!

Матросы вскочили и попытались окружить Конана, Их было четверо, но клинки их ножей оказались слишком коротки. Варвар вращал в воздухе багром с такой легкостью, будто в руках у него была полая тростина. Старшине команды он проломил голову, двоих свалил за борт сильными ударами. Последний, истошно завопив, метнул в Конана свой нож. Киммериец молниеносно взмахнул багром, и нож вонзился в его древко, не причинив варвару никакого вреда. Подвывая от страха, стигиец прыгнул за борт. Дальнейшая его судьба доподлинно не известна, но наверняка печальна.

Курчавые волосы Басры встали дыбом. Могучая фигура Конана в действии испугала его сильнее, чем кумуди. «Таких людей не бывает, — думал он. — Это демон. Теперь я знаю точно».

Однако вместе со страхом Басра испытывал невероятный прилив сил и странное опьянение. Его грудь распирали восторг. Сердце стучало, словно боевой барабан.

— Как жаль, что врагов оказалось мало! — крикнул он. — Нет ничего приятнее, чем видеть их поражение!

Киммериец глянул на него и кивнул, одобрительно улыбаясь. Радость битвы еще переполняла его. Но внезапно он округлил глаза и издал предостерегающий возглас. Басра в недоумении оглянулся через плечо и застыл. Страшная голова кумуди, окровавленная, с выбитым глазом, висела прямо перед ним. Басра набрал полные легкие воздуха, чтобы закричать, но вопль застыл в его глотке. Он попробовал отбежать, но ноги приросли к плетенному настилу. Собственное тело отказалось служить негру.

Змея метнулась к нему, обхватила его туловище своей гибкой, холодной шеей и подняла в воздух. Одна рука Басры осталась свободной, вторую прижало к боку.

Боль в стиснутых ребрах неожиданно отрезвила его. Тупой, парализующий страх сменился острым желанием жить. И свободная рука сама собой потянулась к ножу, спрятанному в складках набедренной повязки. Змеиное горло пульсировало прямо над ним, и Басре захотелось впиться в него зубами. Ладонь нащупала рукоятку ножа и словно срослась с ней. Помедлив долю мгновения — она растянулась бесконечно долго, — Басра отдался во власть наитию, с удивлением обнаружив, что его тело знает, что делать. Точно отмеренным движением он вонзил нож прямо в пульсирующее горло под нижней челюстью.

И тотчас змеиные кольца разжались, и Басра упал обратно в лодку, ударившись головой о борт. Кумуди застыла, как столб, и вдруг змеиное тело выгнулось дугой. Она принялась колотить головой о воду, поднимая тучи брызг. Волны, вздыбленные чудовищной агонией, толкали лодку в корму, и она удалялась все дальше и дальше от издыхающей твари.

— Ты сделал третий шаг к своей совбодe, — сказал Конан, когда Басра пришел в себя после падения. — Ты убил врага. Сам, своими руками. Дальше

пойдет проще, поверь мне.

Басра пощупал пальцами шишку на гудящей голове, тихонько повыл, а после сказал деланно-равнодушным тоном:

— Жалко ножа. Хороший был нож, красивый.

* * *

— Где же я найду тебе змею с изумрудным глазом? — язвительно спросил старый заклинатель, когда Татхэб пришел к нему на постоянный двор. Впрочем, заведение это больше походило на ночлежку для бродяг. В праздники здесь останавливались те самые нищие из паломников. Бывший учитель Татхэба жил тут по двум причинам: во-первых, на постоялом дворе в изобилии водились крысы, полезные для кормежки его питомцев, а во-вторых, за хорошую плату здесь поселили бы не только змей, но и морских холодных спрутов.

Хутту — так звали заклинателя — к жизненным удобствам относился пренебрежительно. Седмицами он не совершал омовений и нисколько не утруждал из-за этого. Блохи и клопы никогда его не кусали. Единственным, к чему он относился почти благоговейно, являлась его лысина. Раз в седмицу он скреб ее пемзой, а по прочим дням заботливо смазывал сандаловым маслом.

Татхэб пришел в тот момент, когда Хутту завершал эту процедуру. Масло было дешевым, самого низкого качества. Запах от него в тесной комнатенке стоял такой, что жрец даже прослезился.

— Змея с изумрудным глазом — огромная редкость, — скрипучим голосом начал Хутту свое поучение. — Раз в пятнадцать зим владыка владык рождается на земле в виде меднобокого змея и осчастлививает своим семенем обыкновенных земных гадюк. В положенное время гадюки, обычно живородящие, откладывают яйца. Внутри этих яиц — не змеиные зародыши, а крупные изумруды. Во всех, кроме одного. Из него выводится та самая змейка, чаще всего левый ее глаз — ярко-зеленого цвета, а правый — обыкновенного, желтовато-серого, с черным зрачком. Объясни мне, о непутевейший из учеников, для чего тебе такая змея? Ты хочешь вспомнить ремесло, которому я тебя обучал?

— Теперь я укрощаю людей, о учитель, — усмехнулся Татхэб, потупив глаза. — Люди опаснее змей. — Согласен с тобой, — заклинатель в последний раз промокнул лысину намазанной губкой и несколько раз щелкнул языком. Из-под тюфяка, шурша, чешуею, вытекла огромная черная кобра. Она подползла к Хутту, застыла на мгновение, приподняв голову, затем, с шипением атаковала губку. Впилась в нее зубами, обвилась вокруг и, вращая длинным телом, точно штопором, потащила губку в угол. Там она опустила ее в горшок, в котором, судя по тихому плеску, содержалось масло. Прodelав свой трюк, кобра скользнула обратно под тюфяк.

— Согласен, — повторил заклинатель, обнажая в усмешке подгнившие зубы. — Но это еще не делает их интересными. Они же скучны, мой мальчик.

— Не все, — возразил жрец.

— Неужели ты нашел любопытный экземпляр?

— Похоже, что так.

— А кто она? — Хутту ухмыльнулся еще шире, от чего его физиономия стала похожа на змеиную морду. Если бы он вдруг высунул наружу кончик раздвоенного языка, Татхэб закричал бы от испуга.

— Как ты догадался? — воскликнул он шепотом. — Ты умеешь читать мысли?

— Более скучного чтения нельзя и придумать. Людские мысли — вздор, и твои — не исключение. Зато твои чувства просто кричат, только на тайном языке, — произнес Хутту.

— В моей душе поселилась страсть, — признался Татхэб. — Предмет этой страсти — туранская девка. Забракoванная рабыня, дерзкая, гордая...

— О, ты почти восхищаешься ею!

Именно над ней я хочу властвовать, так же, как ты властвуешь над своими кобрами. Хочу водить ее Садами Боли и ощущать ее трепет... Меня бросает то в жар, то в холод, когда я думаю об этом. Скоро... — Татхэб зашептал торопливо: — Скоро я стану главным жрецом, хозяином Верхнего храма. Мне при жизни построят великолепную гробницу. Я сказочно обогащусь, у меня будет целая армия рабов. Но счастье мое будет неполным без прекрасной Балзу...

— Попробуй ее высечь, — посоветовал заклинатель, — иногда это здорово действует.

— Нет, учитель! — резко возразил жрец. — Она будет сопротивляться даже под розгой, и это не принесет мне наслаждения. Вот когда она сама начнет искать муки...

— Мои уроки не прошли даром, — улыбнулся заклинатель. Его физиономия светилась, то ли от потеков масла, то ли от безграничного самодовольства. — Бедный мальчик! — продолжал он. — Ты опоздал родиться. Два века назад, когда сила змееголового была в самом расцвете, он лично помог бы тебе. Твои стремления — удел великого человека, а не простого смертного. Что ж, придется мне поддержать тебя, Татхэб. У меня есть для тебя чудесный подарок!

Хутту закричал, поднялся с пола и устремился в противоположный угол комнатухи, заваленный ворохами грязного тряпья. Он принялся ворошить его, бормоча себе под нос. Едкое зловоние распространилось вокруг. Наконец с торжествующим криком заклинатель обернулся к ученику. В руках он бережно сжимал небольшую черную коробочку.

— Что это? — спросил Татхэб, недоумевая.

— Открой и посмотри.

Приняв подарок из холодных сморщенных рук, жрец открыл коробочку и скривился от разочарования. На дне ее, похожая на скрюченный засохший сучок, лежала крошечная змейка. Пасть ее была приоткрыта и издавала отвратительный запах. Правый глаз, блеклый и мертвый, походил на горошину черного перца, зато левый даже при свете чухлой лампы искрился зеленым.

— Она же дохлая! — брезгливо сморщившись, проговорил Татхэб.

— Глупец! — вскричал Хутту. — Это мумия!

— Ну и что с того?

— Одно заклинание и несколько капелек крови — и она оживет, — заклинатель заговорил спокойно и негромко. — Только кровь возьми у этой туранки. Ведь змея именно ее должна укусить?

— Тебе и это известно! — поразился жрец.

— Мне известно больше, чем ты можешь вообразить!

Сказав так, Хутту потерял руки и рассмеялся.

* * *

— Ну, и что дальше? — спросил Басра.

— Дождемся темноты, — ответил Конан, убивая одним шлепком ладони полдюжины москитов на своем плече. Раны от стрел или доброй стали никогда не причиняли варвару столько неприятностей, сколько доставляли их эти мелкие, подлые твари. Укусы москитов выводили киммерийца из себя. Его глаза давно налились кровью, как у взбешенного носорога, и сила воли уходила вся без остатка на то, чтобы держать себя в руках.

Друзья ожидали сумерек в густых зарослях папируса. Неподалеку оказался лагерь солдат, встреча с которыми не входила в планы Конана. Хотя, с другой стороны, в лагере можно позаимствовать очень много полезных вещей. Например, оружие и одежду.

— И еду, — добавил Басра, поскольку уязвленный москитами варвар рассуждал вслух.

— Ты же ел сегодня утром! — сердито сказал Конан.

— У меня урчит в животе! — пожаловался Басра.

— Ты все еще раб. Невольник собственного брюха. Стыдись!

— И не подумаю. Разве ты не чуешь запах прекрасной рисовой каши с мясом? — Басра

причмокнул. — Я могу назвать каждую приправу, которую солдатский повар положил в котел. А мясо? Это чудесная жирная баранина...

Конан зарычал. Есть ему хотелось не меньше, чем его товарищу. Возможно, даже и больше. В лодке оставался довольно солидный запас вяленой козлятины и съедобных клубней. Но Басра как-то незаметно съел почти все. Удивительно, но живот темнокожего раба так и остался впалым, словно съестное моментально сгорело в прожорливой печке. Конан замечал и раньше, что такие щуплые и низенькие мужчины съедают в два раза больше полнокровных здоровяков.

— В доме моего бывшего господина служили две кухарки, — разглагольствовал Басра, почесывая пузо. — Одна никуда не годилась, но была молодой и хорошенькой. А вторая — толстая, с во-от таким носом и тремя подбородками, готовила, как богиня.

Возьмет, бывало, ломоть мяса...

— Слушай меня внимательно, — перебил его варвар. — Сейчас ты подберешься к солдатскому лагерю как можно ближе и узнаешь, сколько там человек. Ты считать умеешь?

— Умею. — Басра растерянно заморгал.

— Посмотришь также, где стоят часовые. Если тебе удастся подобраться к лагерю вплотную, запомни, где именно солдаты сложили оружие.

Басра заморгал.

— А если меня заметят?

— Убьют.

— О боги! — вздохнул Басра. — Но мне, знаешь, что-то не хочется никуда идти. Может, ты сам сходишь? Проклятая змея вывихнула мне ногу...

— Если ты останешься, тебя убью я. — Конан произнес это негромко, но чрезвычайно убедительно.

Басра в очередной раз вздохнул и подчеркнуто прихрамывая, направился на запах рисовой каши.

Если вы подумали, что Конан задался целью перевоспитать трусливого раба и сделать из него человека (как это понимают в Киммерии, разумеется), то вы ошиблись. Меньше всего варвару хотелось возиться с неумелым и ненадежным спутником. Но Конану действительно требовался темнокожий помощник.

Другие рабы в лодке никогда не сошли бы за стигийцев, среди которых многие имеют красновато-коричневый цвет кожи. Бывают иссиня-черные стигийцы, бывают даже пепельно-серые. Но не белые. За зимы странствий и приключений кожа самого варвара покрылась густым бронзовым загаром, но синие глаза, форма носа и манера двигаться сразу выдавала в нем северянина. Поскольку Конан не мог вызвать на поединок всю Стигию разом, приходилось действовать иначе — без лишнего шума и постороннего внимания. Басра волею судьбы оказался единственной подходящей кандидатурой. Искать другого было некогда и негде.

С другой стороны, при всех своих слабостях и недостатках Басра оставался доверчивым, как младенец, и таким же простодушным. В товарищах такой человек предпочтительнее бывалого, но расчетливого и замкнутого...

Явился свежий боевой отряд москитов, и Конану пришлось вступить с ними в неравный бой, весьма кровопролитный. Варвар предпочел бы иметь дело с голодными крокодилами — они, по крайней мере, не издают таких противных звуков.

Тем временем Басра увидел первого часового. Тот ничего не заметил, да и вообще смотрел в другую сторону, но от испуга у Басры подкосились ноги.

Обыкновенный легковооруженный стигийский солдат показался ему страшным великаном.

А запах съестного между тем усиливался. Вдобавок еще и ветер подул со стороны лагеря. «Боги! — подумал Басра, сглатывая слюну. — Это же выше сил человеческих!»

И он пополз дальше, обходя часового по широкой дуге.

Шагах в двадцати влево обнаружились еще двое. Их Басра испугался меньше, чем

первого. Пользуясь удаленностью от начальства, стигийцы играли в кости. Один из них жульничал, причем его противник этого не замечал и вблизи, а Басра вот разглядел даже издали. Солдатские копья с зазубренными серпообразными наконечниками стояли воткнутые в землю тупой стороной древка. Это была типичная солдатская хитрость. Со стороны казалось, будто часовые, как им и положено, замерли неподвижно с поднятыми копьями, просто их скрывают высокие заросли.

Басра ползком обошел лагерь кругом и насчитал восемь солдат на посту. За деревянным частоколом, сооруженным наспех, готовились к ночлегу еще человек сорок. Повар у них никуда не годился — каша начинала подгорать, но все равно запах ее сводил Басру с ума.

Задышавшись от волнения, Басра выкопал из земли какой-то корешок и сжевал его.

— Ничего, — пробормотал он, — съедобно. Интересно, как он называется?

Второй и третий корешки тоже оказались годными в пищу, но четвертый...

Сначала Басре показалось, что во рту у него вспыхнул пожар. Потом этот пожар переместился в живот. Басра, никак не ожидавший такого поворота событий, испустил протяжный, леденящий душу крик и, вскочив, забегал по кругу, хлопая себя ладонями по животу.

Часовой, стоявший в пяти шагах от Басры, взвизгнул противно-тонким голосом, бросил копье в сторону и побежал в сторону лагеря.

— Полосатый демон! Тревога! — голосил он. — Спасайте командиров!

Вероятно, это был неплохой солдат. Очень возможно, что в битвах с врагами он не ведал страха. Но черное, покрытое белыми полосами существо, выскочившее с воем из-под земли, не могло принадлежать к человеческому роду. А различных духов и демонов стигийцы боялись и чрезвычайно чтут.

Ползая в кустах, Басра испачкался белым илом, который густо покрывал стебли папируса и тростника. В сумерках светлые полосы на его теле действительно производили пугающее впечатление. К тому же из-за жгучего сока корешка глаза Басры вылезли на лоб, волосы встали дыбом, а изо рта пошла белая пена.

Солдаты в лагере увидели его. Паника часового передалась им быстрее чумной заразы. Прыжки и страшные гримасы Басры они посчитали магическим танцем.

— Надо умиловить демона! — кричали они. — Принесем ему жертву!

Командир единственный сохранил ясность ума. Демонов он не боялся. Куда больше его страшила утрата солдатами дисциплины. Он мгновенно сообразил, что следует предпринять, и отдал четкий приказ.

— Строимся и отходим в организованном порядке. Если демону нужно наше подношение, пусть возьмет сам то, что сочтет нужным.

Когда пожар в животе Басры погас, он увидел, что лагерь пуст и между ним и котлом с кашей не осталось больше ни одного часового.

* * *

— Копье, пара ножей и меч. Неплохо, — одобрил Конан.

Басра что-то промычал с набитым ртом.

— Тебе повезло, — заметил варвар. — Корень луксурского перца чрезвычайно жгуч, но не ядовит. Если бы тебе попался местный сорт разрыв-травы, то тебе бы не поздоровилось, ты просто лопнул бы, как кхитайский фейерверк.

— Я уж подумал, мне конец, — признался Басра. — Хвала богам, каша достаточно жирная, и мои кишки больше не полыхают...

Конан не мог представить себе, как его сообщник ухитрился дотащить, кроме оружия, еще и котел, полный до краев. «Должно быть, при виде еды его сила удесатеряется, — подумал он. — Это может пригодиться».

Басра лопал, зачерпывая кашу обеими руками попеременно, но сожрать за один

присест то, что приготовлено на сорок человек, даже ему оказалось не под силу. Рыгнув с сожалением, он повалился на спину и блаженно застонал.

— Нам пора идти, — сказал Конан.

Басра притворился спящим.

— Я не собираюсь ночевать в болоте, — заявил варвар. — Если тебе хочется — изволь.

— Яви милосердие, — Басра дважды икнул и поморщился, — не бросай меня.

Конана разбирал смех. Нечеловеческими усилиями он сдерживался, но все-таки не выдержал и захохотал так громко, что дремавшие на отмели крокодилы в панике кинулись в воду и притаились на дне реки.

Этот смех услышали и разведчики, посланные командиром солдат. Они вернулись и доложили:

— Все в порядке. Демон смеется — он доволен.

* * *

Была у Басры одна неплохая особенность — он не впадал в эйфорию от собственных явно случайных успехов и не задавался. Похититель ножа, победитель кумуди, лазутчик, нагнавший страху на регулярную армию, оставался кроток, как голубь.

Во-первых, подчиняться ему было удобнее, чем решать что-либо самому. Во-вторых, этот синеглазый верзила не требовал мелких услуг, и Басра стал обладателем огромной ценности — личного времени, каковое можно было употреблять на раздумья. В-третьих, Басре было интересно. Впервые за его не слишком долгую жизнь, в которой все было отмерено и учтено, Басра понятия не имел, что с ним произойдет завтра.

Они продвигались вдоль русла реки без особенной спешки, тем не менее, с каждым переходом одолевая значительное расстояние. Сначала Басра недоумевал, почему его спутник не захотел плыть на лодке, остававшейся в полном их распоряжении. Но уже на следующий день понял: здесь встречается слишком много торговых и военных кораблей. Почуввав неладное, стигийцы без труда догнали бы их, потому как для такой посуды двух гребцов маловато, а ведь нужен еще и рулевой...

— Мы бы давно вышли в долину, если б нам улыбнулась удача, — мрачно заметил Конан. Москиты одолевали его, а в сочетании с липкой влажной духотой кровососущие твари выведут из себя любого, не только раздражительного варвара.

— Какую именно удачу ты имеешь в виду? — спросил Басра.

— Улыбка судьбы должна иметь наружность не большого торгового каравана, — ответил варвар. — Желательно, слабоохраняемого.

Торговцев они так и не повстречали, зато наткнулись на небольшой отряд паломников. Они везли богатые подарки и четырех рабов в подношение Среднему храму. Охраняли их очень красивые, гладкие стражники, лоснящиеся от жира, внутреннего и наружного, числом аж двое.

Сперва Басра испугался и уполз на четвереньках, как ящерица. На небольшой поляне, где произошла схватка, стоял крик. Громко бряцало оружие. На стороне варвара были неожиданность и напор. Стражники не уступали благодаря численному превосходству. К тому же стигийское оружие было им более привычно. Они двигались, словно танцевал, и солнце вспыхивало на широких серповидных клинках. Один из стражников норовил подобраться к киммерийцу сзади и полоснуть мечом под ребра. Волнуясь, обливаясь едким потом и подскакивая, Басра грыз от возбуждения стебли папируса и пытался молиться всевозможным богам. Но в голове у него все прыгало и перемешивалось.

В какой-то момент Басра ясно понял — если сейчас этот красивым стражник ударит северянина мечом, его, Басры, приключения закончатся. Причем самым плачевным образом. Как сообщника разбойника его изрубят на месте или, что еще хуже, отвезут в Долину Смерти и принесут в жертву змеемордому жестокому богу. Эта страшная мысль поразила Басру. Страх перед неизбежной участью уничтожил все прочие страхи. Басра выскочил из

укрытия, словно камень из пращи, и с копьем наперевес побежал на врагов.

Это случилось очень вовремя. Еще миг, и Конан был бы ранен в спину. Стражник, уже зашедшей в тыл, услышал вопль Басры и обернулся. Он смекнул, что его новый противник — не воин, потому как Басра держал копье неправильно.

Приняв необычайно эффектную позу, стражник изготавился уйти от копья направленного неумелой рукой, и распороть врагу живот. Но чудесная, неведомая сила, охранявшая Басру, устроила так, что Басра споткнулся, зацепившись ногой о корень. Негр упал головой вперед, далеко вытянув руки с копьем, и наконечник, миновавший защиту опытно-го бойца, с хрустом пронзил грудь стражника. Негодующее изумление исказило лицо умирающего, он повалился и замер в неудобной позе.

В следующий миг второй стражник лишился головы. Конан, не переставая скалиться, метнулся в сторону и вытащил за уши из кустов двух богато одетых мужчин.

Басра поднялся и подошел к нему. Голова его кружилась, сердце подпрыгивало, дыхание было чужим — хриплым, клопочущим.

— Ты убьешь их? — спросил он, как мог равнодушно.

— Кром! Я не ем падали и не убиваю безоружных! — проревел варвар; все еще опьяненный схваткой. — Даже если это презренные стигийцы, поклоняющиеся ползучим тварям! Мне не нужна их смерть, мне нужна их одежда и все их добро! Вам понятно, мокрыцы?

Стигийцы, к слову сказать, не поняли ни звука, но Конан крайне красноречиво потряс перед их лицами окровавленным оружием. Закатывая глаза от ужаса, паломники принялись раздеваться.

— Ого! Здесь необработанные сапфиры, две золотых лампы, четыре штуки отборного шелка и слоновая кость! — объявил Басра, исследовав тюки и корзины, притороченные к спинам мулов.

Мулы были злые, храпели, толкались и норовили укусить.

— Мы богаты! — ликующе воскликнул Басра и вдруг пустился в пляс.

Никогда раньше с ним не случалось такого. Но радость, вскипевшая в его крови, требовала выхода. И Басра плясал, на ходу изобретая диковинные телодвижения и гортанно вскрикивая при прыжках.

Если Конан устрасил паломников своим грозным видом, то танец разбушевавшегося чернокожего их просто уничтожил. Подвывая от ужаса, голые, они убежали в заросли, прикрывая на ходу срам. Рабы дали стрекача еще раньше, и дальнейшая их участь неизвестна.

— О боги! Я счастлив! Бедный недостойный негр счастлив! — кричал Басра. — Давай уберемся из этих проклятых мест! Вернемся назад, в Ианту!

— А что ты будешь делать со своей долей добычи? — Конан прищурился.

— Открою торговлю.

Чем же будешь торговать? Тон этих вопросов смутил Басру, и радость его поухлила.

— Н... наверное, рабами, — выдавил он с сомнением в голосе. Ничего другого просто не пришло ему на ум.

— Разве участь этих людей ничему тебя не научила? — удивился варвар. — Разве тебе хочется быть ограбленным и убитым из-за жалкой выручки, которую можно пропить за один вечер? Разве ты, Басра, хочешь потерять свободу, которую ты только

что обрел? Поверь мне, работоторговцы — те же рабы. Только они об этом не знают, поэтому их судьба еще хуже. Одумайся, глупый. Сегодня ты стал настоящим воином, и сразу хочешь скатиться до жалкого алчного торгаша.

— Подумаешь! — возразил Басра. — Чего особенного я сделал? Змея была куда опаснее этого наемника.

— Ты одолел кумуди, спасая собственную жизнь. А на охранника бросился, чтобы помочь мне, своему товарищу. Это гораздо почтеннее.

— Да? — Басра вдруг вспомнил, что именно заставило его атаковать стражника, и ему

стало стыдно.

— Наверное, ты прав, — пробормотал он. — А глупый негр опять сморозил чепуху. Научи глупого негра. Скажи, как лучше распорядиться добычей.

— Я скажу. Мы отвезем ее в Долину Смерти и отдадим в храм, куда она и должна была попасть.

— Что? — Басра не поверил собственным ушам.

— Очень просто, — Конан ухмыльнулся. — Богатым дарителем будешь ты. А впридачу к подаркам будет невольник. Белый, сильный невольник. То есть — я.

— О боги! Что замыслил этот безумец! — Басра плюхнулся на землю и обхватил голову руками.

Если мы поступим таким образом, нам будет проще найти туранскую девушку, — пояснил киммериец. — Ты отдашь меня одному из жрецов по имени Татхэб. Понаблюдав за ним, мы узнаем, что случилось с дочерью моего друга.

* * *

— Как случилось, что моя волшба перестала действовать на тебя, Балзу? — спрашивал Татхэб, сидя на трехногом высоком табурете.

— Вряд ли ты наймешь, — отвечала Балзу.

— Если ты постарайся объяснить, то пойму.

— Для тебя жизнь — сплошная цепочка хитростей, заклинаний и жестоких ритуалов. — Балзу на миг закусил губу. — Ты не поймешь, потому что жестокий демон, которому ты служишь, не позволит тебе этого.

Балзу стояла босыми ногами на лущеном крупном горохе. Горошины постепенно впивались ей в ступни, причиняя тупую ноющую боль.

— Это не пытка, — пояснил Татхэб, рассыпая горох по полу, — это способ снять доспехи с твоего сознания. Конечно, ты сама виновата в том, что мне приходится применять подобные меры. Ты неискренна со мною, туранка.

Балзу спокойно разулась и встала на горох. Но это была не покорность, а скорее наоборот, очередная дерзость. Демонстрация превосходства. Женщины любят демонстрировать превосходство. Догадываясь о подобном течении событий, Татхэб выпил дозу так называемого «напитка мудрецов — особого зелья, создающего иллюзию покоя и отрешенности. Вскоре он ощутил, что пресловутая «мудрость» — одно из названий сонного отупения. Но не огорчился — из-за действия того же напитка.

— Великий Сет, владыка владык, не хочет, чтобы верный его слуга достигал законы жизни? За одно это утверждение тебя искупали бы в кипящем масле, — проговорил он медленно и усмехнулся.

— Конечно, он этого не хочет, — Балзу переступила на месте, отчего боль на мгновение сделалась резкой. — Ведь в противном случае ты отошел бы от него. Жестокость, без которой не мыслима его власть, — не признак силы. Напротив, это еще одна слабость. У каждого из вас под сердцем спит змея.

Когда придет время, змея проснется и укусит. Жертва слаба, но истязатель всегда слабее — он сам несет в себе свою гибель.

— Большей глупости я не слыхал, — Татхэб утер лоб. Паузы между словами в его речи становились все длиннее и длиннее.

Напри, жестокий тиран, правил моей страной. Это было не так уж давно. Он умер, наблюдая за казнью своей служанки. Казнь была страшной, она состояла из множества различных пыток. Напри упивался зрелищем. Когда мука несчастной достигла наивысшей степени, у него в голове лопнули сосуды. Кровь полилась из его глаз. Он скончался раньше приговоренной, а крик его заглушил ее стоны.

— Должно быть, он был просто слабак, — проговорил Татхэб, еле ворочая языком.

— Он был могучий воин и сильный мужчина, — возразила Балзу. — Но при этом,

конечно, он был слабак.

Жрец с усилием мотнул головой.

— Вот пример многозначительной бессмыслицы, — заявил он. — Первая часть твоего утверждения противоречит второй и наоборот. Вернемся к моему вопросу. Как случилось, что ты ушла из-под моей власти? Если это такой важный секрет, может быть, стоит позвать палачей?

— В любом случае этим все закончится, — сказала Балзу без тени страха в голосе. — Но секрета тут нет. Ты помнишь утро накануне твоего отъезда, вернее — бегства из Султанапура?

— Стану я помнить всякий вздор!

— Я попала в плен к тебе почти добровольно. Я была готова петь тебе песнь любви, играть на твоей флейте, обвивать тебя, как лоза обнимает дерево... Я пришла в твой кабинет подарить тебе ласку. Ты сидел за столом и считал что-то, щелкая абакон. В глазах твоих горели золотые монеты. Я хотела коснуться сокровенной части твоего тела, мои губы шептали твое имя... А ты отстранил меня, как назойливую кошку, отодвинул, как предмет без тепла и души. Вот тогда твои чары и прекратили действовать.

Татхэб некоторое время слушал завывание ветра в потайных трубах. Ему хотелось рассмеяться, но нижняя часть его лица сделалась твердой, как каменная маска.

— Не может быть, — хрипло вымолвил он. — Ты все врешь, нарочно, чтобы я сошел с ума от досады... погоди же. Сегодня ночью с тобой случится кое-что страшнее, чем обыкновенные пытки. Участь служанки этого глупого Напри покажется тебе сладкой...

Сказав так, Татхэб спустился с табурета. К его горлу подкатилась дурнота, лоб покрылся испариной.

— Стражник проследит, чтобы ты простояла на горохе до вечера, — злобась, сказал он. — У тебя будет еще время подумать о своем жребии...

— Изнасилование души гораздо болезненнее всяких пыток, — тихо молвила Балзу.

— О, как ты права! — бросил он и вышел, пошатываясь. Покинув каменное сооружение и стремясь поскорее оказаться на воздухе, — то ли от злости, то ли от зелья, — он забыл, что снаружи жарит солнце, а единственное место в тени занято кольями с насаженными на них жрицами и рабынями. Зрелище казнимых рабынь сперва очень радовало Татхэба — они не умели держаться с достоинством, кричали, вырывались, отдавались агонии, совершенно не сдерживаясь. Но рабыни очень скоро утратили разум. Боль быстро пожрала их ничтожные души. Теперь они возбуждали не больше, чем коровы на бойне.

Рядом со входом дежурил новый раб Татхэба — несуразный верзила с выпуклыми мышцами и длинными волосами. Он был немой и кажется дурачок. Подаривший его паломник уверял, что раб не буйный. В самом деле, он бросался исполнять приказы, понимая их с полуслова. А как великолепно он орудовал плеткой, разгоняя тысячеголовую толпу перед носилками Татхэба!

Телохранитель был нужен жрецу, как никогда. Конечно, его кандидатуру многие поддержат. Но будут и враги. Не для того Татхэб провернул эту сложную интригу, чтобы его зарезали на ступенях храма, который он уже привык считать своим.

Приказав немому следовать за собой, Татхэб пересек алтарь страдания и вошел в дверь, устроенную в задней лапе второго каменного льва. В одном из верхних ярусов этого сооружения находились его личные покои.

Здесь он держал змею, полученную от заклинателя Хутту. Сейчас она уже ничем не напоминала ту жалкую иссохшую мумию, какой предстала перед Татхэбом в первый раз, когда тот получил ее из рук своего учителя. Теперь это был раскормленный гад с лоснящейся желто-черной Шкурой. Изумрудный его глаз горел дьявольским огнем и никогда не закрывался. Даже когда змея спала. Татхэб видел в темноте эту пылающую зеленую точку, которая денно и нощно напоминала ему о том, что даже если может утомиться и задремать животное, в чем теле помещается дух божества, само божество остаётся недреманным и

вечно бодрым. Мертвый глазок стал желтым и холодно наблюдал за всем происходящим вокруг.

Завидев Татхэба, змея подползала к нему и принималась, как бы шутя, обвиваться вокруг его тела. Добравшись до головы жреца, она клала плоскую морду ему на плечо и блаженно щурилась. Змее нравилось прикосновение теплого человеческого тела, а дрожь ужаса, которая пробегала по этому телу, когда взгляд Татхэба встречался со взглядом божества, вызывала ответный трепет в длинном теле змеи.

— Скоро, — пробормотал Татхэб, принимая ласки своего страшного питомца, — скоро, дорогой, ты познаешь плоть юной девушки, которая носит в своем сердце умение любить... Скоро ты выпьешь из нее это умение и навсегда наполнишь ее душу мертвящим холодом... Какая чудная жрица для великого Сета получится из этой туранки!

Змея чуть приподняла голову и медленно покачала ею из стороны в сторону, словно хотела выказать одобрение. Татхэб никогда не мог понять, что из произносимого им змея понимает, а что воспринимает просто как некие колебания воздуха, производимые тем, кто дает ей молоко и кровь.

Впрочем, сейчас было не время задаваться подобными вопросами. Близились сроки, исполнения которых Татхэб ожидал с таким жгучим нетерпением.

Пламенное стигийское солнце медленно опускалось в воды Стикса. Становилось темно. Богиня-ночь раскинула над Стигией широкое черное покрывало, усеянное точками звезд. Луна еще не начала своего пути по небосклону — она взойдет позднее. От волнения у Татхэба лязгали зубы, и он невольно потянулся за эликсиром «мудрости». Лишь бы не показать перед божеством и его будущей жрицей (или жертвой?) своей человеческой слабости... Потому что в глубине души — и Татхэб знал об этом — он так и остался нелюбимым сыном властной матери-шлюхи, которая была так щедра на пощечины. Образ старухи, умирающей перед ним в сумерках, сглаживался — оставалось молодое, сильно накрашенное, злое и притягательное женское лицо, лицо богини — служительницы бога.

Нет, Татхэб не покажет женщине своего волнения! Он быстро сделал глоток из маленького флакона и протянул руки к змее. Словно поняв его намерение, змея выбралась из своей корзины и стремительно потекла по полу.

Татхэб поднял ногу, и змея обвилась вокруг нее. Затем поднялась выше. Ее сверкающие золотые кольца, вспыхивающие пламенем при тусклом свете масляной лампы, охватили тело жреца, словно некая волшебная кольчуга.

Немой раб, стоя у выхода, наблюдал это с бесстрастным и тупым видом. Татхэб, впрочем, мало задумывался над тем, какие чувства питает его телохранитель по поводу происходящего. До сих пор немой не давал ни малейшего основания усомниться в его преданности и полезности. И самое главное — этот немой был мужчиной. Не женщиной. Он не мог презирать Татхэба.

Сделав верзиле-телохранителю знак следовать за ним, Татхэб покинул свои покои, унося змею на собственном теле и покрыв ее плащом, чтобы сторонний наблюдатель ничего ненароком не заметил. Незачем. Один из секретов могущества — таинственность. Персона жреца должна быть окружена полной и непроницаемой тайной.

А это, в частности, означает, что когда Татхэб добьется своего и возглавит жречество в Долине Смерти, придется избавиться от Хутту...

Но это все потом, потом. Сейчас первоочередная задача — Балзу. Сломить ее дух. Вот что важно. Иначе Татхэбу не будет покоя до конца дней его.

Девушка встретила его с видимым спокойствием. Татхэб, опытный в созерцании страдающих людей, умел различать деланное спокойствие и истинное, которое встречается крайне редко — по правде говоря, вообще практически никогда. Он умел разбирать в глазах жертвы любое чувство, которое та пытается скрыть или подавить. Татхэб вовсе не хвастался, когда утверждал, что может читать человека, точно книгу. И вот сейчас он при всей своей проницательности не мог усмотреть в глазах своей пленницы ничего, кроме презрения к нему, слабому человеку, который пытается разгадать великую загадку любви, рассекая

жертвенным ножом сердце, способное любить и удивляясь тому, что видит только комок плоти и сгустки крови.

Немой привычно занял место у выхода, оглядываясь по сторонам в поисках того, кто мог бы притаиться поблизости и покуситься на жизнь жреца. Татхэб позвал стражу.

— Приковать ее к стене, — распорядился он. — И снимите с нее одежду. Я хочу видеть, как пот покрывает это гладкое тело. Впрочем, нет... обнажите грудь и так оставьте.

Стражники схватили девушку и подтащили ее к кольцам, вмонтированным в стену темницы. Один навалился на нее и придавил к стене, а второй грубо схватил тонкую руку пленницы и всунул ее в кольцо. Щелкнул замок — запястье оказалось намертво прикованным к стене. Затем настал черед второй руки. Балзу не сопротивлялась. Стражник, державший ее, едва не задушил девушку своим зловонным дыханием. Втайне он пытался пошарить у нее под одеждой, но времени, к счастью, у него было слишком мало.

— Готово! — крикнул первый стражник.

Татхэб медленно усмехнулся.

— А теперь — ступайте, — сказал он. Стражники нехотя покинули помещение. Между собой они, дав, но спорили, как долго продержится новая пленница Татхэба. Ставки росли, Балзу не сдавалась, и теперь для храмовой стражи стало жизненно важным узнать — что еще намерен предпринять жрец, чтобы подчинить себе жертву.

Но их выставили — и довольно бесцеремонно. Хорошо бы расспросить татхэбова раба, думали, уходя стражники, но проклятый северянин, как на Грех, немой. Или притворяется немой — зато очень успешно. В любом случае он ничего не расскажет.

Широко раскрыв глаза, Балзу смотрела, как ее мучитель распахивает на себе плащ. Татхэб двигался неспешно.

Его движения замедляло действие зелья, но еще больше — желание растянуть наслаждение, упиться ужасом жертвы, который должен расти по мере того, как вся картина предстоящем пытки раскроется перед Балзу во всей полноте.

Змея, обвивавшая тело Татхэба, увидела девушку, шевельнула головой и принялась жадно высовывать из пасти трепещущий язык. Затем она медленно, кольцо за кольцом, покинула тело жреца и подползла к прикованной пленнице. Скользя по стене, змея поднялась к ней и заглянула ей в глаза своими страшными разноцветными глазами. Балзу до крови закусила губу.

Ей было страшно... и вместе с тем она не боялась. Она никогда не опускалась до внутреннего согласия со своим палачом, поэтому ледяной ужас, который ожидает жертв Сета, миновал ее. Трепетала слабая юная плоть, испытывая естественный человеческий страх перед смертью и болью, но Сет не поглотит ее душу и не будет пожирать ее в вечности, среди тьмы и холода, как это случилось с умершими жрицами.

Змея отползла от стены на несколько шагов, поднялась на хвосте и принялась танцевать. Она тосковала кольцами, то поднималась до середины туловища и раскачивалась под какую-то одной ей слышную мелодию.

Постепенно жуткая пляска змеи становилась все быстрее, все стремительнее сверкало золото чешуи в полной темноте, все ярче вспыхивал зеленый глаз божества в плоской змеиной голове.

Татхэб почувствовал, как волнение охватывает его. В нем трепетал каждый орган, каждый член. Пляска змеи оказывала на него странное действие. Его сердце начинало гореть и расширяться в груди, живот напрягся так сильно, что мышцы стало сводить, а детородный орган налился кровью и бешено потребовал удовлетворения. Жгучий жар плотского вожделения охватывал все тело жреца, и все же он не мог двинуться, потому что и руки и ноги его выкручивало судорогой при малейшей попытке шевельнуться.

Татхэб застонал сквозь зубы... Внезапно яркая вспышка пронзила его сознание, а сердце с оглушительным звуком, который слышал только один Татхэб, взорвалось в груди. Мощнейшее облегчение сотрясло все тело жреца, и семя его фонтаном излилось на пол.

В то же самое мгновение тьма начала застилать глаза Татхэба, и он повалился на

каменные плиты, хрипя и задыхаясь.

Дрожь пробежала по его телу, в памяти мелькнуло непонятное слово: «Напри!» — и все затихло. Татхэб был мертв.

А змея вдруг поднялась на самом кончике хвоста, закружилась и превратилась в человека. Это был толстый лысый человек... и будь Татхэб еще жив, он признал бы в нем своего старого учителя, заклинателя змей Хутту. Но Татхэб лежал на полу мертвее мертвого, и Сет пожирал его душу, погруженную в ужас и ледяной холод. А немой телохранитель расширил синие глаза и неожиданно обрел дар речи, взревев:

— Кром!

Перед ним, поднявшись на кончиках пальцев, с нечеловеческой грацией вращался в танце раздутый, точно демон, великан. Вот он, наклонившись, уставился на тело Татхэба, а затем, невероятно широко разинув пасть, проглотил своего бывшего ученика целиком.

Видно было, как по горлу чудовища проползает туловище человека, — оно на миг вспучилось, а затем снова опало. Конан выхватил серповидный меч и метнулся к монстру.

* * *

Пока «телохранитель» насакивал на гиганта, нанося ему удар за ударом — впрочем, без ощутимого вреда для последнего, — его сообщник Басра пробрался в апартаменты Татхэба.

Конан велел ему осмотреть там все как следует, чем и занялся негр, дивясь собственной дерзости и предприимчивости.

— А что если покои охраняются вооруженными слугами? — спросил сам себя Басра, прокрадываясь, но лестнице наверх. Он старался не думать о том, что находится внутри каменного льва, в самом средоточии жреческой власти Долины Смерти. — Ну и пусть охраняются, — решил он после недолгого раздумья, — Я с ними покончу!

И негр потряс в воздухе кинжалом. Он стал очень храбрым.

В покоях Татхэба поначалу Басра не обнаружил ничего стоящего. Одежда... Но натягивать на себя то, что облекало жреца Сета... Бр-р! От одной мысли об этом негра пробирала холодная дрожь.

Украшений он нашел совсем немного, и все они были довольно дешевыми; В досаде Басра принялся перерывать сундуки и постель и наконец перед ним предстал небольшой сундучок.

— Ага! — воскликнул Басра, сверкая белыми зубами не то в улыбке, не то в хищном оскале. — Кажется, нашел!

Сундучок был заперт на прочный замок. Напрасно Басра озираясь по сторонам в поисках ключа. Напрасно тряс сундучок и даже бросал его на пол. Зарок не поддавался. В конце концов, Басра всунул кончик кинжала в щель между крышкой и стенкой сундучка...

Едва не сломав лезвие, протиснул его глубже, надавил... Наконец-то! Послышался треск, и крышка поддалась. Басра сорвал ее с петель и едва не закричал от разочарования.

Сокровища? Монеты? Как бы ни так! На дне сундучка лежала маленькая сморщенная змеиная шкурка.

Осыпая проклятиями Сета, его служителей, себя — глупого негра, а заодно и киммерийца, который втравил его в эту историю, Басра схватил шкурку двумя пальцами и швырнул в очаг, где несмотря на жаркий день тлел огонь. Тотчас пламя вспыхнуло невероятно ярко, так что у Басры сразу заболели глаза, и так же внезапно погасло, Басра зажмурился. Белые круги расплывались у него перед глазами, он чувствовал себя ослепленным. В голове что-то стучало.

Басра плюнул на пол и, шатаясь, побрел к выходу. Ничего путного в этой комнате нет. Возможно, Татхэб жил ради ощущенья власти над другими людьми и презирал материальные блага. Тем хуже для Басры и Конана. Потому что власть над людьми — это такая проклятая штука, которую не может украсть даже самый ловкий вор.

Тем временем Конану приходилось туго. Великан наваливался на него своей необъятной тушей, давил животом, пытался наступить на человека ножищей. Конан едва уворачивался от своего противника, Хутту глухо, утробно хохотал, наслаждаясь неравным боем со слабым и маленьким противником. Он оттягивал то сладкое мгновение, когда сможет пожрать варвара живьем. Да, заклинатель не станет убивать этого человека. Мертвец, конечно, — лакомое блюдо, но живая плоть, погружающаяся в бездонное чрево чудовища, еще трепещущая в желудке, доставляет несоизмеримо большее удовольствие.

И вдруг что-то произошло. Хутту испустил отчаянный громкий вопль и скорчился. Он опустился на четвереньки, обхватил себя за плечи руками и затрясся неестественно быстро и крупно. Все его гигантское тело содрогалось, складки жира вздрагивали, как будто по ним хлопала невидимая ладонь. А потом что-то произошло, и вот уже перед Конаном на корточках сидит человек самого обыкновенного роста.

Испутив ликующий боевой клич, варвар, взмахнул стигийским мечом и обрушил его на шею своего противника.

Голова Хутту покатилась, но полу, губы его все еще двигались, а глаза моргали. И вдруг Конан ясно увидел, что голова — змеиная. А тело, оставшееся биться в корчах на полу, вдруг окаменело — это была пересушенная мумия, давно почерневшая от старости и покрытая жирными темными пятнами прогоркшего масла, которое используется дешевыми мастерами при бальзамировании. Фонтан горячей крови ударил в стену и залил пленницу. Она не выдержала — забилась о стену, пытаясь высвободить руки.

— Тише ты, — сказал ей варвар, приближаясь. Меч он бросил на пол, и клинок, звякнув, исчез в полутьме. — Ты Балзу, не так ли?

Девушка, молча, смотрела в надвигающееся на нее лицо. Это было довольно привлекательное мужское лицо с холодными синими глазами, обрамленное копной нечесаных черных волос. Неожиданно варвар усмехнулся, и взгляд его сразу потеплел.

— Хорошая дочка у моего друга, — похвалил он. — Ты довела его до умоисступления. Он ведь помер, ожидая твоей смерти.

Она вдруг захохотала. Она смеялась и смеялась. Слезы текли по ее лицу, смывая со щек кровь Хутту, зубы лязгали, искусанные губы болели — а Балзу все смеялась и не могла остановиться. Конан освободил ее руки и подхватил девушку, которая повалилась ему на грудь.

— Не могу стоять, — призналась она, задыхаясь. — Ох... помер, глядя, как я... Напри... Глупо,

глупо, глупо!

— Хватит, — варвар сердито дернул ее за волосы. — Перестань смеяться, иначе у тебя заболит живот

— Живот... какое слово... смешное... — она застонала.

Конан взвалил ее на руки и понес прочь из темницы. Балзу тихо вздохнула и потеряла сознание.

* * *

— Что за дрянь там у него хранится! — причитал Басра, который столкнулся с киммерийцем у лап каменного льва. — Ничего стоящего. Всякий хлам. А в шкатулке он держал — знаешь что? В жизни не поверишь! Змеиную шкуру! Тьфу!

Негр энергично плюнул и вдруг увидел запрокинутое лицо пленницы. Он так и замер с разинутым ртом.

— Кто это? Та самая? Из-за которой ты...

— Угу, — сказал Конан.

И тут послышался тихий треск. Звук был совсем негромкий, однако чуткое ухо варвара уловило перемену, и Конан быстро повернулся в сторону каменного льва» Гигантское

сооружение пошло трещинами и начало петь на ветру.

— Он разваливается! — закричал Конан. — Бежим отсюда!

Басра не заставил себя упрашивать. Он подхватился и побежал что есть силы. Конан с пленницей на руках помчался следом. За их спинами с грохотом, поднимая тучи пыли, валились обломки. С громкими криками к рассыпающимся львам мчались стигийские стражники.

* * *

У костра сидели трое. Ни ядовитые миазмы стигийских болот, ни москиты, ни предстоящий трудный и долгий путь до Турана — ничто не могло испортить им хорошего настроения.

Басра не сводил глаз с освобожденной пленницы. А она нет-нет да поглядывала в сторону стройного чернокожего парня, который так нелепо разделявал рыбу и так забавно умел болтать,

Конан, конечно, замечал этот обмен взглядами. Что ж, Балзу — красивая девушка, умная и с твердой волей. Для такой трудно подобрать подходящего мужа размышлял варвар. Считается, что женщине с сильным характером требуется еще более сильный мужчина, но Конан был уверен в том, что это чушь.

Напротив, такую девушку вполне может осчастливить муж-тряпка, лишь бы он любил ее от всей души и позволял вертеть собой, как вздумается обожаемой женушке. Умная женушка лишнего не навертит.

Придя к этому выводу, Конан не стал мешать своим спутникам. Пусть события идут своим чередом, а уж он, Конан, по прибытии в Султанапур переговорит со своим другом Али-Бекром. Расскажет, как много опасностей пришлось им преодолеть для того, чтобы вызволить Балзу из лап слугителей змееголового Сета. И представит своего давнего друга, принца из Кешана по имени Басра, который был верным спутником Конана в его путешествии по Стигии и своим последним подвигом оказал неоценимую помощь при освобождении прекрасной Балзу.

А заодно намекнет на то, что принц Басра пленился чудными очами дочери Али-Бекра. Нет-нет, Басра — младший сын, он не может претендовать на престол Кешана.

Разве что внезапно умрут все семнадцать его старших братьев. Да, принц Басра с радостью остался бы в Туране... Естественно, если ему будет предложена должность при дворе...

И, разумеется, он был бы счастлив, попросить руки прекрасной Балзу...

Спустя несколько лун все эти планы были претворены в жизнь — уверенно и ловко.

Как и все, что делал Конан.

OCR: ivminin

WWW.CIMMERIA.RU